

DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-34-51

Марина Михайловна ЛЕБЕДЕВА

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
world_politics@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-4162-0807

Максим Владимирович ХАРКЕВИЧ

Московский государственный институт международных отношений
(Университет) МИД России
Проспект Вернадского, 76, Москва, 119454, Российская Федерация
m.kharekvich@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-9476-9694

Роль бизнеса в трансформации политической организации мира

АННОТАЦИЯ. *Выйдя на глобальный уровень, капиталистическая политическая экономия сегодня превращается в доминирующий способ управления системой государств, разрушая сложившуюся со времен Вестфальского мира государственно-центристскую модель. В результате сегодня мы являемся свидетелями феномена, названного Й. Шумпетером как «созидательное разрушение» т. е. разрушение, сопровождающееся созданием нового. Сегодня процесс находится в стадии доминирования разрушения, причем это разрушение не ограничивается изменением межгосударственных отношений (распадом bipolarной системы), как это представлено в большинстве исследований, а затрагивает одновременно, как минимум, три уровня политической организации мира, образуя эффект синергии: уровень Вестфальской системы; уровень межгосударственных отношений; уровень национального государства. Существует значительное число примеров воздействия бизнеса на политическую систему тех*

или иных государств вплоть до организации государственных переворотов. Бизнес также воздействует на межгосударственные отношения (противодействует санкциям). Однако наиболее явно бизнес-структуры влияют на базис политической организации мира – Вестфальскую систему, которая изначально была государственно-центристской и которая сегодня размывается во многом за счет транснациональной активности бизнеса. Предприниматели-инноваторы формируют сегодня капитализм со-участия. Современный капитализм со-участия во многом опирается не на интерес, а на ценности и социальные связи, объединяющие людей по сетевому принципу. Примерами такого капитализма служат различные формы шеринга, пиринговые сети, вики-платформы, технология блокчейна. Капитализм со-участия объединяет информационные сети и потенциал человека, главным ресурсом становится именно человеческий капитал, человеческое доверие и социальные обязательства. Принцип

сетевого со-участия транслируется и в международно-политическую сферу, пока только дополняя принцип Вестфальского суверенитета. Одновременно в политическую организацию мира внедряются практики из других проектов политической организации мира, в частности исламского (исламские банки, система денежных переводов хавала и др.).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Шумпетер, транснациональный бизнес, экономи-

ка со-участия, сети, мировая политика, политическая организация мира, Вестфальская модель мира, инновации, разрушение, созидание

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Лебедева М.М., Харкевич М.В. (2018). Роль бизнеса в трансформации политической организации мира. *Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право*, 11 (1). 34-51. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-34-51

DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-34-51

Marina M. LEBEDEVA

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
world_politics@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-4162-0807

Maxim V. KHARKEVICH

Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia
76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
m.kharekvich@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-9476-9694

The Role of Business in Transforming the Political Organization of the World

ABSTRACT. *Having moved to the global level, capitalist political economy today is turning into a dominant way of governance in world politics, undermining the state-centrist model that has been developing since the time of the Westphalian peace treaties. As a result, we are witnessing a Schumpeterian phenomenon of “creative destruction” i.e., destruction of old accompanied by creation of new. The current world politics is dominated by the logic of destruction, and this destruction is not limited to changing interstate relations, as it is represented in most studies, but involves at*

the same time at least three levels of political organization of the world, forming a synergy effect: the level of the Westphalian world order; the level of interstate relations; the level of the national state. The Westphalian system is being blurred largely by transnational business activity. Entrepreneurs-innovators form capitalism of co-participation. This capitalism rests not on interest, but on values and social ties that unite people in networks. Examples of such capitalism are various forms of sharing, peer-to-peer networks, wiki-platforms, block-chain technology. Capitalism of sharing unites in-

formational networks and human potential, the main resource of such capitalism is precisely human capital, human trust and social relations. The sharing is being transmitted to the international political sphere, supplementing the principle of the Westphalian sovereignty with the potential of eventually replacing it. At the same time, practices are being introduced into the political organization of the world from other projects of the political organization of the world, in particular Islamic (Islamic banks, hawala money transfer system, etc.).

KEYWORDS: *Schumpeter, the economy of co-participation, transnational business, political organization of the world, networks, world politics, the Westphalian system, innovation, destruction, creation*

FOR CITATION: Lebedeva M.M., Kharkevich M.M. (2018). The Role of Business in Transforming the Political Organization of the World. *Outlines of Global Transformations: politics, economics, law*, 11 (1). 34-51. DOI: 10.23932/2542-0240-2018-11-1-34-51

1. Вклад бизнеса в формирование политических структур

С конца прошлого века в международных исследованиях чётко утвердился тезис о кардинальной смене эпох на международной арене. Огромный пласт литературы посвящен причинам, а также тому, что именно меняется. Большинство исследователей, как российских, так и зарубежных, склонны рассматривать окончание холодной войны в качестве основной причины политической трансформации мира, что хорошо корреспондирует с доминированием реализма в международных исследованиях, где смена эпох означает смену конфигурации межго-

сударственных отношений. При этом и новая конфигурация, и её оценки значительно расходятся у разных исследователей. Конфигурация обычно обсуждается в терминах однополярности, многополярности или новой биполярности, в которой полюсами выступают у разных авторов США, Китай ЕС, Россия и/или ряд других государств. Что касается оценки складывающейся структуры межгосударственных отношений, то в литературе представлен широчайший спектр мнений: от алармистских оценок до довольно сдержанных и даже оптимистичных.

Представляется, что ситуация намного сложнее и глубже, чем изменение конфигурации межгосударственных отношений. В значительной степени причиной этих изменений служит развитие бизнеса. Бизнес и ранее выступал в качестве основы при смене политических эпох. Так, индустриальная эпоха сделала возможным веберовское централизованное государство (Фукуяма, 2011). Во многом благодаря развитию промышленности происходило становление и развитие политической основы капитализма (Buzan, Lawson, 2015).

Политическая экономия, основанная на капиталистическом способе производства, сформировалась при переходе от XVI века к XVII веку в Европе как новая форма государственного управления, целью которого стала не только обеспечение безопасности территории государства, но и экономическое развитие населения (Фуко, 2003).

Сегодня деятельность бизнеса в огромных масштабах вышла за пределы национальных государств. Этому способствовали как развитие самого бизнеса, так и развитие коммуникационных и информационных технологий, которые в значительной степени обеспечили его транснационализацию.

Выйдя на глобальный уровень, капиталистическая политическая эко-

номия сегодня превращается в доминирующий способ управления системой государств, разрушая сложившуюся со времен Вестфальского мира государственно-центристскую модель (Harmes, 2006). В результате сегодня мы являемся свидетелем феномена, названного Й. Шумпетером как «созидательное разрушение» (Schumpeter, 1975), т. е. разрушение, сопровождающееся созиданием нового. На том или ином отрезке времени может доминировать либо разрушение (и тогда мы наблюдаем процессы хаотизации), либо созидание, что проявляется в стадии эволюционного развития, в которой преобладают процессы, связанные с упорядочиванием структур (Лебедева, 2012). Идеи Й. Шумпетера стали классическими в области экономики, но они практически неизвестны в сфере международных отношений, хотя, как представляется, эти идеи хорошо применимы к современному этапу *политического развития* мира.

Й. Шумпетер в своей «Теории» предложил отличать экономическое развитие от экономического роста. Если рост – это численное увеличение экономических показателей, то развитие – это возникновение нового качества экономики. Форма и содержание такого развития описывается в его теории понятием «осуществление новых комбинаций услуг труда и земли», что включает в себя пять случаев:

«1. Изготовление нового, т. е. еще неизвестного потребителям, блага или создание нового качества того или иного блага.

2. Внедрение нового, т. е. данной отрасли промышленности еще практически неизвестного, метода (способа) производства, в основе которого не обязательно лежит новое научное открытие и который может заключаться также в новом способе коммерческого использования соответствующего товара.

3. Освоение нового рынка сбыта, т. е. такого рынка, на котором до сих пор данная отрасль промышленности этой страны еще не была представлена, независимо от того, существовал этот рынок прежде или нет.

4. Получение нового источника сырья или полуфабрикатов, равным образом независимо от того, существовал этот источник прежде, или просто не принимался во внимание, или считался недоступным, или его еще только предстояло создать.

5. Проведение соответствующей реорганизации, например, обеспечение монопольного положения (посредством создания треста) или подрыв монопольного положения другого предприятия» (Шумпетер, 2007, с. 123). Основная мысль теории Шумпетера заключается в том, что экономическое развитие означает существенно новое использование услуг труда и земли позволило, по признанию самого автора, сделать важный вывод: «осуществление новых комбинаций происходит путем изъятия этих услуг из прежних сфер их применения» (Шумпетер, 2007, с. 168).

Осуществляют эти новые комбинации предприниматели – особый тип людей, готовый действовать в ситуации неопределенности и решать необычные задачи. Это визионеры, одержимые своей идеей и готовые рисковать. Для того чтобы идея сработала необходимы готовность для неё и рынка, и технологий, и спроса. Поэтому неудачи – обычное явление среди предпринимателей.

Нормальные хозяйственные субъекты (не предприниматели), заявляет Й. Шумпетер, столкнувшись с новой задачей нуждаются в руководителе, задача которого как раз и заключается в устранении отклонений. При этом автор отмечает, что назвать эту функцию «движущей силой процесса производства также немислимо, как объявить

закон о наказании за убийство причинной того, что люди обычно не убивают друг друга» (Шумпетер, 2007, с. 153). Таким образом, для Й. Шумпетера функции руководителя и предпринимателя прямо противоположны. Один устраняет отклонения, другой их создает. Руководитель поддерживает существующий капиталистический кругооборот, получая ренту от него, а второй создает условия для формирования принципиально нового капиталистического кругооборота, т. е. обеспечивает развитие.

Возвращаясь к современной политической трансформации мира, прежде всего, следует отметить, что она сегодня находится в стадии доминирования разрушения, причем это разрушение не ограничивается изменением межгосударственных отношений, как это представлено в большинстве исследований, а затрагивает одновременно, как минимум, три уровня политической организации мира, образуя эффект синергии:

- а) уровень Вестфальской политической системы
- б) уровень межгосударственных (т.е. международных) отношений
- в) уровень национального государства (Лебедева, 2016).

Ситуация, когда все три уровня политической организации мира подвергаются деформации, складывается в мире впервые. И особую роль в этом играет бизнес.

Исследовательский вопрос данной работы состоит в выявлении того, как бизнес трансформирует все три уровня политической организации мира. Теоретической основой работы выступает плюрализм (акторный подход), являющийся одним из течений неолиберализма в теории международных отношений и предполагающий при доминирующей роли государства активное участие других акторов в мировой политике, в том числе бизнеса. В данной

статье бизнес выступает как ключевой актор современной политической трансформации. При этом используется идея Й. Шумпетера о созидательном разрушении. В качестве гипотезы предполагается, что создаваемые бизнесом структуры взаимоотношений и коммуникаций внедряются в политическую организацию мира. В результате происходит формирование новых структур не только экономических отношений, но главное – преобразование политической организации мира на фоне эрозии ее прежних принципов.

В политической науке существует много исследований, посвященных политическим аспектам деятельности бизнеса. Центральное место в них занимает изучение лоббизма (Lowery, 2007), политических условий ведения бизнеса и т. д. Существует даже такое понятие как «политическая теория фирмы» (Zingales, 2017), она описывает политическое влияние бизнес-компаний и способы их взаимодействия с государствами. Д. Коен (Coen et al., 2010) с соавторами выделяет следующие пять типичных способов такого взаимодействия: «отрицание» (фирмы не хотят обращать внимание на государство), «беспомощность» (фирмы признают значение государства, но считают, что не могут на него повлиять), «делегирование» (фирмы признают значение государства и объединяются, чтобы повлиять на него), «страховка» (похоже на делегирование, но вместо организации коллективного действия, отдельная фирма пытается самостоятельно повлиять на правительство), «изощренность» (уникальные стратегии влияния доступные очень большим компаниям).

При этом в исследованиях по мировой политике отсутствует разработанная политическая теория экономического предпринимательства. Существует много литературы о политическом предпринимательстве (Sheingate,

2003), но не политических последствий экономического предпринимательства. В данной статье мы как раз постараемся сделать несколько шагов в направлении понимания роли предпринимателей в трансформации мировой политики.

2. Роль бизнеса в «разрушении/созидании» политической организации мира

2.1. «РАЗРУШЕНИЕ» СУЩЕСТВУЮЩЕЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Сегодня бизнес-структуры наиболее явно влияют на базис политической организации мира – Вестфальскую систему, которая изначально была государственно-центристской и которая сегодня размывается во многом за счет транснациональной активности бизнеса (Лебедева, 2009). Капитализм становится глобальным по уровню, а Вестфальская модель мира остается межгосударственной. Иными словами, экономическая и политическая организации мира существуют в разных измерениях, в результате чего возникают кризисы, как в экономической, так и в политической, и в социальной, и экологической сферах (Strange, 1999).

В 21 веке стали огромными масштабы транснациональной активности бизнеса. Впечатляют активы и масштабы деятельности транснациональных корпораций, а также процесс транснационализация мировой экономики (Кузнецов, 2014). Причем наряду с транснационализацией крупного бизнеса наблюдается усиление транснационализация мелкого и среднего бизнеса, о тенденции которой было заявлено ещё в прошлом веке (Fujita, 1998) и которая продолжается в настоящее время во многом за счёт гибких сетевых структур, которые хорошо приспособляются к местным условиям (Решетников, Хохлова, 2012).

При этом очевидно, что несмотря на развитие данной тенденции транснационализируется не весь бизнес. В результате сегодня наблюдается «сопротивление» национального государства совместно с национально ориентированным бизнесом, т. е. происходит своеобразный «откат» тенденции транснационализации по типу волн развития демократизации, описанных С. Хантингтоном (Huntington, 1991). Это проявляется в целом ряде современных политических феноменов, достаточно назвать победу на выборах в США Д. Трампа с его идеями выстраивания национально ориентированной экономики; BREXIT с представлениями о возврате к национальному государству и национальной экономике и целый ряд других.

Не только количественные показатели транснационализации характеризуют современное развитие бизнеса и его воздействие на мировую политику. Важным моментом с точки зрения влияния на эрозию Вестфальской системы является расширение сфер деятельности современного бизнеса. Если после становления Вестфальской системы сфера безопасности фактически полностью была в «ведении» национального государства, то с конца XX века и бурным развитием ЧВК начинается процесс, названный «приватизацией безопасности». Причины того, что структуры бизнеса начинают заниматься безопасностью называются разные, в том числе попытки государства «сбросить» с себя ответственность за вовлечение в конфликты, большое число военнослужащих, ушедших с военной службы в результате окончания холодной войны и т. п. (Avant, 2004; Лебедева, 2012; Небольсина, Никитин, 2016). В данном случае важен сам факт прямой вовлечённости бизнеса в ранее не свойственную для него сферу – сферу безопасности. В прошлом государство было сосредоточено на безопасности, а биз-

нес – на развитии (инновациях) и был лишь косвенно связан с безопасностью через ВПК. Безопасность и развитие не обязательно являются противоположными целями, напротив, они, как правило, дополняют друг друга: без безопасности невозможно развитие, но и обеспечение безопасности всегда требует материальных, человеческих и технологических ресурсов. Размывание же «сфер ответственности» ведёт к размыванию Вестфальской системы.

Сферой безопасности не ограничивается «экспансия» бизнеса. Ещё одной областью, которая до недавнего времени оставалась исключительно государственной и куда стал проникать частный бизнес, стал космос. Здесь наблюдается тесное сотрудничество государств и негосударственных структур. Но показательным является тот факт, что бизнес становится все более самостоятельным при реализации космических программ.

Наконец, бизнес проявляет огромную активность в гуманитарной области. Причем, если ранее бизнес был ориентирован на социальную деятельность в рамках своей компании (бонусы сотрудникам на образование, медицинскую страховку и т. п.) и, в лучшем случае, в рамках национального государства, где расположена его штаб-квартира и/или ведётся деятельность, то в XXI веке социальной и гуманитарной деятельностью бизнес начинает заниматься в глобальном масштабе, свидетельством чему является Глобальный договор, заключенный под эгидой ООН. Безусловно, в значительной степени мотивационной основой участия бизнеса в Глобальном договоре являются имиджевые соображения, но не только. Через подобные структуры

бизнес воздействует на формирования международных правил поведения, т. е. мировую политику.

Особенно чётко это проявляется в факте все большей вовлечённости бизнеса в различные формы глобального управления. Ранее глобальное управление осуществлялось фактически государствами лидерами. Сегодня бизнес активно участвует в международных форумах по управлению интернетом (Зиновьева, 2009), экологической проблематике, т. е. на тех международных площадках, где за счёт разработки правил игры он видит новые возможности для себя. Одновременно бизнес всё активнее включается в процессы политического лоббирования, выходящие за рамки национального государства. Если ранее бизнес лоббировал свои международные интересы через структуры национальных государств, то сегодня он всё чаще делает это напрямую. С наибольшей очевидностью данный процесс можно наблюдать в ЕС (Руденкова, 2015). В результате активности бизнеса порой возникают ситуации, когда бизнес оказывается успешнее государственных структур. Так, А. Гурьев, председатель правления и генеральный директор ПАО «ФосАгро», сумел пролоббировать в ЕС снижение норм кадмия в фосфатных удобрениях, используемых в Евросоюзе, что дало преимущество российской компании на рынках ЕС. Кроме того, он добился от ЕС снижения 6,5-процентного импортного налога на российские удобрения¹.

Наконец, бизнес напрямую встраивается в глобальное управление, что проявляется, в частности, в том, что создаются различные дискуссионные площадки участия бизнеса с политиче-

1 Russian oligarch woos Brussels to corner multibillion-euro industry. *Politico*. October 25, 2017. URL: <https://www.politico.eu/article/andrey-guryev-russia-cadmium-mining-oligarch-turns-to-brussels/> (Accessed: 18.12.2017).

скими деятелями и экспертами. Наиболее известной и давно работающей такой площадкой является Всемирный экономический форум, проходящий в Давосе, а также ряд других.

В современном мире происходит «гибридизация» акторов, в том числе и бизнеса, чего не было ранее, по крайней мере в таком масштабе. С одной стороны, новости и международно-аналитические СМИ в определенной степени перестают быть только информационными структурами, а все больше превращаются в экономических акторов со своими финансовыми интересами. Другой пример – НПО. Некоторые из них, хотя и являются некоммерческими, в последние годы допускают значительную прибыль. Иными словами, эти структуры отчасти становятся бизнес-структурами. С другой стороны, крупные корпорации все больше внимания начинают уделять социальным и гуманитарным проблемам: охране окружающей среды, правам человека и т. п.² При этом, несмотря на то, что ведущим ресурсом бизнеса по-прежнему остаётся экономический/финансовый, структуры бизнеса в значительной степени ориентируются на использование других типов ресурсов – социальных и гуманитарных.

Включаясь в глобальное управление, участвуя в формировании международных организаций, расширяя свою деятельность до сфер безопасности и глобального социально-гуманитарного строительства, меняя «правила» международно-политического взаимодействия, транснациональный бизнес непосредственно воздействует тем самым на Вестфальскую систему мира,

которая все больше отходит от принципа государствоцентричности.

Воздействие бизнеса на политическую организацию мира не ограничивается Вестфальской системой. В наименьшей степени бизнес способен *воздействовать на систему межгосударственных отношений*. Точнее, такое воздействие идет опосредовано через различные структуры прямого и косвенного лоббирования. Тем не менее бизнес всё активнее внедряется и в эту сферу, реально выступая актором мировой политики. Так, на межгосударственном уровне (уровне системы международных отношений) часть европейского бизнеса неоднократно проявляла «самостоятельность», в частности, выступала против антироссийских санкций³. В результате этого сопротивления некоторые сектора российского бизнеса, в частности газовый, был в меньшей степени затронут санкциями. Иными словами, несмотря на противостояние с Россией на политическом уровне европейским бизнесом это противостояние не было воспринято однозначно.

Бизнес также непосредственно включается в создание новых межгосударственных структур, хотя и не ставит перед собой подобных целей. Примером здесь служит выделение Goldman Sachs группы стран с быстро развивающимися экономиками – Бразилия, Россия, Китай и Индия (БРИК), что в дальнейшем послужило основанием для этих стран сформировать международную организацию, присоединив еще и ЮАР. Фактически получилось, что с «подачи» бизнеса была создана новая межгосударственная структура.

2 В качестве примера можно привести BP. См. Сайт BP. URL: <https://www.bp.com/en/global/corporate/sustainability.html> (Accessed: 18.12.2017).

3 См. напр.: Европейский бизнес выступил против антироссийских санкций США. *РИА-Новости*. 03.08.2017. URL: <https://ria.ru/economy/20170803/1499710139.html> (Дата обращения: 15.12.2017).

В отличие от межгосударственных отношений *воздействие бизнеса на политическую систему тех или иных стран* хорошо известно. Здесь имеются многочисленные примеры. Так, после распада колониальной системы в середине XX века транснациональный бизнес оказался вынужденным взаимодействовать с правительствами вновь образованных государств. Ситуации складывались различные, в том числе и такие, когда ТНК обращались за помощью к государствам-лидерам, прежде всего к США, и те устраивали государственные перевороты. Примерами здесь служат перевороты в Гватемале в 1950-х годах, в Латинской Америке в 1960-х годах, смещение С. Альенде в Чили в 1970-х годах, которые были организованы и/или профинансированы с помощью или с подачи американского бизнеса⁴. В то же время множество примеров и позитивного влияния транснационального бизнеса на политическое развитие того или иного государства, которые хорошо описаны в литературе: развитие образовательных программ, программ по защите окружающей среды, внедрение культуры ведения бизнеса и т. п.

В целом, как отмечает Ст. Уилкс, ТНК «действует как политический актор для продвижения своих интересов в бизнес-ассоциациях, или путем переговоров напрямую с государственными структурами» (Wilks, 2013, p. 257). Более того, транснациональные корпорации включены сегодня в национальное и глобальное политическое управление, причём, это не всегда соответствует демократическим нормам. В результате такой политической активности бизнеса мир сталкивается с серьёзной угрозой (Wilks, 2013).

Одновременно с указанными феноменами в политическую организацию мира на всех трёх уровнях происходит инкорпорирование элементов из других моделей политической организации мира, в результате чего существующая политическая организация мира подвергается еще большему «размыванию». В частности, значительный интерес представляют элементы исламской экономики. При этом сами эти элементы могут противоречить друг другу или нормам ислама (Беккин, 2017). Однако в данном случае важно другое. Так, отказываясь от ссудного процента в своих операциях, исламские банки вынуждены работать, ориентируясь на проекты, насколько эти проекты могут быть успешными. В этом случае не происходит столь значительного разрыва между финансовым сектором и производством. В то же время система денежных переводов хавала, представляющая собой неформальную систему на основе взаимозачётов и обязательств брокеров, позволяет осуществлять транзакции без особого контроля со стороны государств и международных организаций, что открывает возможности для транснационального криминала и международного терроризма. Несмотря на то, что ФАТФ выстраивает целую систему противодействия преступной деятельности (Мелкумян, 2014), проблема остаётся.

Возникают проблемы и в связи с появлением криптовалюты, поскольку она исключает регуляторов в виде центробанков. Как будет осуществляться регулирование и будет ли оно вообще, остаётся дискуссионным вопросом.

Вообще основная проблема заключается в том, что современная политическая организация мира иерархически

4 Долинский А., Габуев А. Корпоративные войны. Коммерсант-Власть. 13.05.2013. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2184633?subfolderId=90141> (Дата обращения: 15.12.2017).

организована (хотя система международных отношений в значительной степени анархична), в то время как бизнес и многие другие негосударственные акторы все больше переходят к сетевому взаимодействию.

Эти и другие элементы различных проектов политического устройства мира (исламского, социалистического или какого-либо ещё), включенные в существующую политическую организацию мира, расшатывают её. Особенно значимыми они оказываются в условиях современной глобализации, понимаемой как транснационализация мира, т. е. «прозрачности национальных границ».

Очевидно, что в определённой степени рассмотренные феномены влияния бизнеса на политическую организацию мира были и в прошлом. Однако в настоящее время воздействие прежде всего бизнеса при одновременном воздействии других акторов становится критическим. Мир столкнулся с необходимостью выстраивания новых связей и отношений в своей политической организации, элементы и тенденции развития которых мы также можем наблюдать в современном мире.

2.2. СОЗИДАНИЕ НОВЫХ СТРУКТУР ПОЛИТИЧЕСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ МИРА

Основа политической организации мира заключается в институте и практике территориального политического плюрализма, усиленного идеологией изоляционизма. Ценностная основа данной модели сводится к идее автономии и самодостаточности проживающей в определенных территориальных границах. В рамках такой модели каждое общество стремится к максимизации политически и экономически значимых ресурсов на своей территории. Естественно, что процессы в экономической, социальной сферах, а также вызовы управленческого харак-

тера, которые усиливают взаимозависимость между национальными государствами и разрушают их автономию, следует рассматривать как подрывающие политическую организацию мира. Отношения в первых двух сферах по своей природе носят транснациональный характер, направлены скорее на создание новых связей и усиление взаимозависимости, чем на обеспечение автономии. Управленческая сфера носит технический характер и зависит от объекта управления. Управленческие практики и институты, направленные на регулирование транснациональных связей, отношений и растущей взаимозависимости также будут способствовать формированию новой политической модели мира. Вместе с тем управленческие практики и институты, направленные на регулирование отношений и процессов внутри территориальных границ, напротив, усиливают существующую политическую организацию мира.

Ценности, институты и практики, которые могут стать основой новой модели, формируются как раз в указанных трех сферах: экономической, социальной и управленческой. Интересно, что территориальность как ключевая норма политической организации мира, основанной на Вестфальской модели, также имеет корни в неполитической сфере. Политики раннего Нового времени позаимствовали принцип территориально-административного деления у Римской католической церкви, территория которой делится на диоцезии, возглавляемые архиереем (епископом или архиепископом) (Каспэ, 2008).

Особенность экономической и социальной сфер в условиях позднего капитализма заключается в их смыкании, что описывается понятием «капитализм со-участия и со-владения» (capitalism of sharing), организационным принципом которого служит сеть.

Чтобы определить особенности данного организационного принципа, его следует сравнить с двумя альтернативными: рынком и иерархией. В данном случае сеть, иерархия и рынок рассматриваются как организационная структура или как принцип управления транзакциями. С этой точки зрения сетевую структуру выделил и описал У. Пауэл (Powell, 1990). Иерархия предполагает относительно высокие транзакционные издержки от разрыва отношений между сторонами, при этом эти издержки закреплены, как правило, юридически. Разрыв рыночных отношений между сторонами влечет относительно низкие транзакционные издержки, если рынок не монополизирован. На таком рынке всегда можно будет найти другого контрагента, предлагающего более приемлемую цену. Между контрагентами на свободном рынке нет никаких социальных обязательств, их поведение определяется рациональным преследованием своих эгоистических целей.

Разница между рынком и иерархией хорошо объясняется как раз с помощью транзакционных издержек (Coase, 1937; Williamson, 1975; Williamson, 1985). Фирма (как форма иерархии) и рынок обеспечивают транзакции. Когда транзакции носят рутинный характер, активы неспецифичны, а неопределенность находится на невысоком уровне, управлять ими с точки зрения снижения транзакционных издержек разумнее с помощью свободного рынка. Как только уровень неопределенности и специфика активов в транзакциях возрастает, возникает необходимость в иерархическом управлении, т. е. в фирме. Граница между фирмой и иерархией определяется, таким образом, транзакционными издержками.

Рынок и иерархия являются точками экстремума на континууме организационных форм управления, формиру-

емом характером транзакций и транзакционными издержками. У. Пауэл доказал, что эти две точки не исчерпывают всех вариантов и что срединное положение на этом континууме принадлежит как раз сетевой форме. Ключевое ее отличие от рынка и иерархии заключается в социальной ответственности между сторонами и объединении ресурсов. Под социальными обязательствами понимаются приверженность к общим социальным (не юридическим) нормам и принципам, что требует высокого уровня доверия между контрагентами, а, следовательно, и формирование некоей формы сообщества. Поэтому выход из сети связан в том числе с отказом от определенных ценностей, выходом из сообщества, принадлежность к которому становится частью идентичности члена сообщества. Таким образом, сетевые отношения являются неиерархическими, они основаны на социальных обязательствах и общих ценностях.

Современная политическая организация мира предполагает в значительной степени иерархичную структуру политической организации государства и одновременно анархичную структуру межгосударственных отношений, т. е. территориальное, национальное государство рассматривается в данной модели в качестве наивысшей формы организации политической власти. Все другие формы, такие как международные правительственные и неправительственные организации и институты, таким статусом не обладают, поэтому даже если функционально они действуют на надгосударственном уровне, в политическом отношении они все равно находятся ниже государств и подчинены им.

Вопрос о том, с анархией какого типа (рыночной или сетевой) мы имеем дело в существующей политической организации мира, остается открытым. Спор об уровне развития социальных

связей, в том числе о значении ценностей широко обсуждается в науке международных отношений (Wendt, 1999), но пока далек от разрешения.

А. Хиршман показывает, что капитализм в раннее Новое время стал развиваться благодаря предшествовавшей этому культурно-идейной революции в Западной Европе, которая на первое место вывела идею интереса («интересы правят миром») (Hirschman, 1977). Интересом стали называть то, что в христианской системе ценностей именовалось страстью к стяжательству. Оправдан этот порок был с помощью идеи о том, что страсть к стяжательству одного человека неизбежно будет нейтрализоваться таким же пороком другого. Развиваясь и расширяясь, капитализм распространил данный принцип и на другие сферы жизни, в том числе и на международную политику, что выразилось в идее «государственного интереса» или «raison d'état» (Фуко, 2003; Teschke, 2003). Иными словами, капитализм придал международной анархии в Европе рыночный характер. Неудивительно, что одно из наиболее популярных теоретических описаний Вестфальской модели мира – неореализм К. Уолца – является, по сути, применением микроэкономики к международным отношениям (Waltz, 1979).

Если сегодня происходит эрозия международной рыночной анархии, то, скорее всего, система международных отношений будет развиваться не в сторону иерархии (глобальное государство пока незаметно на горизонте), а в сторону формирования сете-

вой анархии. При этом круг участников сетей сегодня существенно расширился. Это далеко не только сети между государствами и отдельными структурами государств, между бизнесменами и их компаниями, но также и между представителями гражданского общества. В пользу усиления социального и ценностного аспектов мировой политики говорит не только увеличение количества транснациональных сетевых государственных, бизнес и некоммерческих организаций, но и тот факт, что большинство конфликтов в современном мире носит ценностный характер, кровь льется за отстаивание скорее своей идентичности, чем интересов. Однако сфера смыслов и ценностей производит не только конфликты, но и практики сотрудничества, именно они и интересны в данном случае.

Современный капитализм соучастия во многом опирается не на интерес, а на ценности и социальные связи, объединяющие людей по сетевому принципу. Примерами такого капитализма служат различные формы шеринга, пиринговые сети⁵, вики-платформы, технология блокчейна⁶. Капитализм соучастия объединяет информационные сети и потенциал человека, главным ресурсом становится именно человеческий капитал, человеческое доверие и социальные обязательства. Все больше товаров в рамках экономики соучастия становятся бесплатными – лишь бы потребитель участвовал в какой-то сети или платформе и предоставлял о себе информацию. В рамках данной экономики постепенно преодолевается товарный фетишизм клас-

5 Пиринг (от англ. peering — соседство) – соглашение интернет-операторов об обмене трафиком между своими сетями, а также техническое взаимодействие, реализующее данное соглашение: соединение сетей и обмен информацией о сетевых маршрутах по протоколу BGP.

6 Блокчейн (англ. blockchain или block chain) – выстроенная по определённым правилам непрерывная последовательная цепочка блоков (связный список), содержащих информацию. Чаще всего копии цепочек блоков хранятся и независимо друг от друга (чрезвычайно параллельно) обрабатываются на множестве разных компьютеров.

сического капитализма, важнее становится не владеть товаром, а использовать его. Благодаря со-участию экономические отношения становятся более рациональными, гуманными и даже экологичными. Лидерами всех этих инноваций являются как раз предприниматели-инноваторы, о которых писал Й. Шумпетер⁷.

Принцип сетевого со-участия транслируется и в международно-политическую сферу, пока только дополняя принцип Вестфальского суверенитета, но в потенциале, наверное, способный и заменить его. Политическое со-участие в мировой политике сегодня проявляется в форме глубоко интегрированных экономических сообществ (ЕС) и сообществ безопасности (НАТО), в форме международных неформальных политических и экономических клубов, таких как G7 и G20, Всемирный экономический форум; в форме международных протестных движений, таких как Occupy Wall Street, «Арабская весна»; в форме транспаривительственных сетей, связывающих функционально однотипные государственные структуры и ведомства различных стран (Slaughter, 2009). Конечно, сетевым способом сегодня объединяются не только бизнесмены, политики и представители мирных гражданских профессий, но также террористы и преступники.

Во многом как ответ на управленческие вызовы глобализации в мировой политике развивается практика глобального управления, которая также основывается преимущественно на сетевых формах организации, что дает основание рассматривать ее как новую созидательную практику (Лебе-

дева, Харкевич, Касаткин, 2013). Ценностную основу глобального управления составляет либерализм, в связи с чем главной целью глобального управления на многих международных площадках, особенно в ООН, объявляется человеческая безопасность, понимаемая как свобода не только от физического насилия и его угрозы, но и свобода от нищеты, болезней, дискриминации, унижения человеческого достоинства, нарушения прав человека и т. д.

Следует еще раз подчеркнуть, что новые неиерархические (преимущественно сетевые) структуры политической организации мира сегодня формируются скорее в дополнение к существующей политической организации мира, чем вместо неё. Это обстоятельство существенно снижает конфликтность между этими двумя моделями и их сторонниками, но не устраняет ее полностью. Отношения между этими моделями можно объяснить, используя идею российского психолога Л.С. Выготского о «зонах ближайшего развития» в ходе развития ребенка (Выготский, 1982). Применительно к нашему вопросу (здесь было бы точнее говорить о «зоне ближайших изменений») она может характеризовать то, как развитие сетевой политической модели мира «подтягивает» структуры и/или направляет деятельность акторов в рамках имеющейся политической организации мира в определенном направлении. В качестве структур могут выступать нормы, правила поведения, а также материальная сфера экономики, вооружений и т. п. Усредненная совокупность измененных структур в результате деятельности различных акторов формируют «коридор» для новой

7 Серию интервью с ведущими предпринимателями-инноваторами о шумпетерианском реазрушении-созидании в современной экономике и политике можно прочитать в тематическом номере журнала Foreign Affairs (№ 94 (1), 2015). URL: <https://www.foreignaffairs.com/issues/2015/94/1> (Accessed: 18.12.2017).

деятельности и т. д. Накопленные изменения ведут к ломке прежних и формированию принципиально новых структур. Причем сам процесс влияния на структуры или других акторов может лучше или хуже осознаваться. По этой причине изменения нередко воспринимаются как «неожиданные» или «внезапные».

3. ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ЧТО ДЕЛАТЬ

Ответ на один из двух классических русских вопросов очевиден: мир развивается, поэтому вряд ли стоит искать виновных. Ответ на второй вопрос – что делать? Менее понятен. Безусловно, что интересам и государства, и бизнеса, и гражданского общества в большинстве своем отвечает плавная перестройка политической организации мира, без войн и хаоса. Выстраивание новых структур постепенно происходит. Однако этот процесс протекает во многом спонтанно. И если в сфере бизнеса привычно работать «по проекту», то этого в полной мере нельзя сказать о мирополитической среде. Хотя и здесь примеры проектной деятельности есть. Наиболее значимый – это создание ООН. Как политический проект (а не исключительно экономический) начинался Европейский союз. В принципе сегодня мир стоит перед новым аналогичным вызовом, но только более сложным и масштабным. Необходимо не только определить структуру и механизмы межгосударственного взаимодействия, но и выстроить новый фундамент и принципы взаимоотношений государств – бизнеса – гражданского общества. При этом, разумеется, не следует ломать имеющиеся структуры, не сформировав новые, чтобы не допустить глобальной хаотизации. Иными словами, если вернуться к идее Й. Шумпетера, то предстоит сделать «разрушение» и «созидание» управляемым. Механизм этого процесса – ин-

тенсивное развитие переговорного процесса между всеми акторами мировой политики (Лебедева, 2010). В современных условиях взаимозависимости и хрупкости мира отсутствие управляемости может действительно привести к реализации самых алармистских и апокалиптических прогнозов.

Одним из первых шагов по выстраиванию новой (или обновленной) политической организации мира является академическая деятельность по определению «контуров» будущего мира с последующими широкомасштабными обсуждениями.

Список литературы

- Беккин Р.И. (2017). Исламская экономика в «Исламском государстве»? *Вестник МГИМО-Университета*, 6 (57). 132-142. DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-132-142
- Выготский Л.С. (1982). Мышление и речь. *Собрание сочинений*. Т. 2. М.: Педагогика. 504.
- Зиновьева Е.С. (2009). Российские интересы в сфере управления интернетом. *Международные процессы*, 7 (19). 101-108.
- Каспэ С.И. (2008). *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. М.: Московская школа политических исследований. 320.
- Кузнецов А.В. (2014). Транснациональные корпорации в мире. *Мировое и национальное хозяйство*, 2 (29). URL: <http://www.mirec.ru/2014-02/transnacionalnye-korporacii-v-mire> (Дата обращения: 15.12.2017)
- Лебедева М.М., Харкевич М.В., Касаткин П.И. (2013). *Глобальное управление*. М.: МГИМО. 220.
- Лебедева М.М. (2009). Мировая политика: тенденции развития. *Политические исследования*, (4). 72-83.

- Лебедева М.М. (2010). *Технология ведения переговоров*. М.: Аспект Пресс. 192.
- Лебедева М.М. (2012) *Современные тренды мирового развития: новое качество мира*. Лебедева М.М. (ред.). *Метаморфозы мировой политики*. М.: МГИМО. 9-32.
- Лебедева М.М. (2016). Система политической организации мира: «Идеальный шторм». *Вестник МГИМО-Университета*, (2). 125-133.
- Мелкумян К.С. (2014). ФАТФ в противодействии финансированию терроризма: специфика подхода. *Вестник МГИМО-Университета*, 1 (34). 88-96.
- Небольсина М.А., Никитин А.И. (2016). Перспективы международного регулирования деятельности частных военных компаний. *Вестник МГИМО-Университета*, (2). 145-160.
- Решетников Г.О., Хохлова Е.С. (2012). Малый и средний бизнес: влияние на тренды мирового политического развития. Лебедева М.М. (ред.). *Метаморфозы мировой политики*. М.: МГИМО. 258-289.
- Руденкова Д. Э. (2015). Лоббизм в институтах Европейского союза. *Международные процессы*, 13 (1). 68-80. DOI 10.17994/IT.2015.13.40.5
- Фуко М. (2003). Правительственность (идея государственного интереса и ее генезис). *Философско-литературный журнал Логос*, (4-5). 4-22.
- Шумпетер Й. (2007). *Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия*. М.: Эксмо. 864.
- Avant D. (2004). The Privatization of Security and Change in the Control of Force. *International Studies Perspectives*, (5). 153-157. URL: https://www.socsci.uci.edu/~davant/pub/8_avant_isp.pdf (Accessed: 18.12.2017)
- Buzan B., Lawson G. (2015). *The global transformation: history, modernity and the making of international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 421.
- Coase R. (1937). The nature of the firm. *Economica*, (4). 386-405.
- Coen D. [et al]. (2010). Political Science: Perspectives on Business and Government. Coen D., Grant W., Wilson G. (eds.). *The Oxford handbook of Business and Government*. Oxford: Oxford University Press. 9-34.
- Fujita M. (1998). *The Transnational Activities of Small and Medium-Sized Enterprises*. Dordrecht: Kluwer. 257.
- Fukuyama F. (2011). *The origins of political order: From prehuman times to the French Revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 608.
- Harmes A. (2006). Neoliberalism and multilevel governance. *Review of International Political Economy*, 13 (5). 725-749.
- Hirschman A.O. (1977). *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before Its Triumph*. Princeton: Princeton University Press. 192.
- Huntington S.P. (1991). Democracy's Third Wave. *The Journal of Democracy*, (2). 12-34.
- Lowery, D. (2007). Why do organised interests lobby? A multi-goal, multi-level theory of lobbying. *Polity*, (39). 29-54.
- Powell W. (1990). Neither Market nor Hierarchy: Network forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*, (12). 295-336.
- Schumpeter J. (1975). *Capitalism, Socialism and Democracy*. New York: Harper. 464.
- Sheingate A. D. (2003). Political entrepreneurship, institutional change, and American political development. *Studies in American Political Development*, 17 (2). 185-203.
- Slaughter A.-M. (2009). *A new world order*. Princeton: Princeton University Press. 368.
- Strange S. (1999). The West failure system. *Review of International Studies*, 25 (3). 345-354.

Teschke B. (2003). *The myth of 1648: class, geopolitics, and the making of modern international relations*. London: Verso. 322.

Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. Reading, Mass: Addison-Wesley Pub. C. 256.

Wendt A. (1999). *Social theory of international Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 452.

Wilks St. (2013). *The Political Power of the Business Corporation*. Cheltenham: Edward Elgar. 315.

Williamson O.E. (1975). *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust implications*. New York: Free Press. 286.

Williamson O.E. (1985). *The economic institutions of capitalism*. New York: Free Press. 468.

Zingales L. (2017). Towards a Political Theory of the Firm. *Journal of Economic Perspectives*, 31 (3): 113-130. DOI: 10.1257/jep.31.3.113

References

Avant D. (2004). The Privatization of Security and Change in the Control of Force. *International Studies Perspectives*, (5). 153–157. URL: https://www.socsci.uci.edu/~davant/pub/8_avant_isp.pdf (Accessed: 18.12.2017)

Bekkin R.I. (2017). Islamic economy in the “Islamic state”? *MGIMO Review of International Relations*, 6 (57). 132-142. DOI 10.24833/2071-8160-2017-6-57-132-142

Buzan B., Lawson G. (2015). *The global transformation: history, modernity and the making of international relations*. Cambridge: Cambridge University Press. 421.

Coase R. (1937). The nature of the firm. *Economica*, (4). 386-405.

Coen D. [et al]. (2010). Political Science: Perspectives on Business and Government. Coen D., Grant W., Wilson G. (eds.). *The Oxford handbook of Business*

and Government. Oxford: Oxford University Press. 9-34.

Fujita M. (1998). *The Transnational Activities of Small and Medium-Sized Enterprises*. Dordrecht: Kluwer. 257.

Foucault M. (2003). Government (the idea of state interest and its genesis). *Filosofsko-literaturnyi zhurnal Logos*, (4-5). 4-22.

Fukuyama F. (2011). *The origins of political order: From prehuman times to the French Revolution*. New York: Farrar, Straus and Giroux. 608.

Harmes A. (2006). Neoliberalism and multilevel governance. *Review of International Political Economy*, 13 (5). 725-749.

Hirschman A.O. (1977). *The Passions and the Interests: Political Arguments for Capitalism before Its Triumph*. Princeton: Princeton University Press. 192.

Huntington S.P. (1991). Democracy's Third Wave. *The Journal of Democracy*, (2). 12–34.

Kaspe S.I. (2008). *Centers and hierarchies: spatial metaphors of power and Western political form*. Moskva: Moskovskaya shkola politicheskikh issledovani. 320.

Kuznetsov A.V. (2014). Transnational corporations in the world. *Mirovye i natsional'noe khozyaistvo*, 2 (29). URL: <http://www.mirec.ru/2014-02/transnatsionalnye-korporacii-v-mire> (Accessed: 15.12.2017)

Lebedeva M.M., Kharkevich M.V., Kasatkin P.I. (2013). *Global governance*. Moskva: MGIMO. 220.

Lebedeva M.M. (2009). World politics: development trends. *Polis. Politicheskie issledovaniya*, (4). 72-83.

Lebedeva M.M. (2010). *The technology of negotiations*. Moskva: Aspekt Press. 192.

Lebedeva M.M. (2012). *Modern trends of world development: a new quality of the world*. Lebedeva M.M. (ed.). *Metamorphoses of world politics*. Moskva: MGIMO. 9-32.

Lebedeva M.M. (2016). The system of political organization of the world: “Per-

fect Storm". *MGIMO Review of International Relations*, (2). 125-133.

Lowery, D. (2007). Why do organised interests lobby? A multi-goal, multi-level theory of lobbying. *Polity*, (39). 29-54.

Melkumyan K.S. (2014). The FATF in Countering the Financing of Terrorism: the Specificity of the Approach. *MGIMO Review of International Relations*, 1 (34). 88-96.

Nebol'sina M.A., Nikitin A.I. (2016). Prospects for international regulation of private companies. *MGIMO Review of International Relations*, (2). 145-160.

Powell W. (1990). Neither Market nor Hierarchy: Network forms of Organization. *Research in Organizational Behavior*, (12). 295-336.

Reshetnikov G.O., Khokhlova E.S. (2012). Small and medium business: influence on the trends of world political development. Lebedeva M.M. (ed.). *Metamorphoses of world politics*. Moskva: MGIMO. 258-289.

Rudenkova D. E. (2015). Lobbyism in the institutions of the European Union. *Mezhdunarodnye protsessy*, 13 (1). 68-80. DOI 10.17994/IT.2015.13.40.5

Schumpeter J. (1975). *Capitalism, Socialism and Democracy*. New York: Harper. 464.

Sheingate A. D. (2003). Political entrepreneurship, institutional change, and American political development. *Studies in American Political Development*, 17 (2). 185-203.

Shumpeter I. (2007). *The Theory of Economic Development. Capitalism, socialism and democracy*. Moskva: Eksmo. 864.

Slaughter A.-M. (2009). *A new world order*. Princeton: Princeton University Press. 368.

Strange S. (1999). The West failure system. *Review of International Studies*, 25 (3). 345-354.

Teschke B. (2003). *The myth of 1648: class, geopolitics, and the making of modern international relations*. London: Verso. 322.

Vygotskii L.S. (1982). Thinking and speaking. *A Collection of Works*. Vol. 2. Moskva: Pedagogika. 504.

Waltz K. (1979). *Theory of International Politics*. Reading, Mass: Addison-Wesley Pub. C. 256.

Wendt A. (1999). *Social theory of international Politics*. Cambridge: Cambridge University Press. 452.

Wilks St. (2013). *The Political Power of the Business Corporation*. Cheltenham: Edward Elgar. 315.

Williamson O.E. (1975). *Markets and Hierarchies: Analysis and Antitrust implications*. New York: Free Press. 286.

Williamson O.E. (1985). *The economic institutions of capitalism*. New York: Free Press. 468.

Zingales L. (2017). Towards a Political Theory of the Firm. *Journal of Economic Perspectives*, 31 (3): 113-130. DOI: 10.1257/jep.31.3.113

Zinov'eva E.S. (2009). Russian interests in the field of Internet governance. *Mezhdunarodnye protsessy*, 7 (19). 101-108.

Информация об авторах

Марина Михайловна Лебедева, доктор политических наук, кандидат психологических наук, профессор, заведующая кафедрой мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
world-politics@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-4162-0807

Максим Владимирович Харкевич, кандидат политических наук, доцент, кафедра мировых политических процессов, Московский государственный институт международных отношений (Университет) МИД России

119454, Российская Федерация, Москва, проспект Вернадского, 76
m.kharekvich@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-9476-9694

About the Authors

Marina M. Lebedeva, Doctor of Politics, Cand. Sci. (Psychology), Professor, Head of World Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
world_politics@mgimo.ru
ORCID: 0000-0003-4162-0807

Maxim V. Kharkevich, Cand. Sci. (Pol.), Associate Professor, World Politics Department, Moscow State Institute of International Relations (University) MFA Russia

76, pr. Vernadskogo, Moscow, Russian Federation, 119454
m.kharekvich@inno.mgimo.ru
ORCID: 0000-0001-9476-9694